

ГЕРОИ РОССИИ

ТЕ, КЕМ МЫ
ГОРДИМСЯ

МОСКВА
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

8

ПЕТР I
(30.05.1672 — 28.01.1725)

14

БРЮС
Яков (Дэниэл)
Вилимович
(1669 — 1735)

44

ШЕРЕМЕТЕВ
Борис Петрович
(25.04.1652 — 17.02.1719)

18

СЕНЯВИН
Наум Акимович
(1680 — 1738)

46

АПРАКСИН
Федор Матвеевич
(27.11.1661 — 10.11.1728)

28

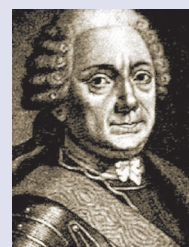
РЕПНИН
Аникита Иванович
(1668 — 1726)

50

МЕНШИКОВ
Александр Данилович
(1673 — 1729)

32

ЛАССИ
Петр Петрович
(30.10.1678 — 19.04.1751)

52

САЛТЫКОВ
Петр Семенович
(1698 — 1772)

56

ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ
Василий Михайлович
(01.07.1722 — 30.01.1782)

106

ПАНИН
Петр Иванович
(1721 — 1789)

62

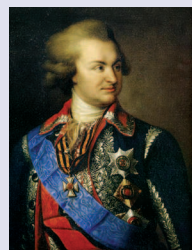
СПИРИДОВ
Григорий Андреевич
(1713 — 08.04.1790)

110

РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ
Петр Александрович
(1725 — 08.12.1796)

66

ПОТЕМКИН
Григорий Александрович
(1736 или 1739 — 1791)

114

СУВОРОВ
Александр Васильевич
(13.11.1730 — 06.05.1800)

82

ПРОЗОРОВСКИЙ Александр
Александрович
(1733 — 09.08.1809)

120

ОРЛОВ Алексей
Григорьевич
(1737 — 1807)

102

УШАКОВ
Федор Федорович
(1745 — 1817)

124

РЕПНИН
Николай Васильевич
(1734 — 1801)

130

КУТУЗОВ
(Голенищев-Кутузов)
Михаил Илларионович
(05.09.1745 — 16.04.1813)

134

БАГРАТИОН
Петр Иванович
(1765 — 12.09.1812)

146

БАРКЛАЙ де Толли
Михаил Богданович
(13.12.1761 — 13.05.1818)

160

ПЛАТОВ
Матвей Иванович
(08.08.1753 — 03.01.1818)

176

ДОЛГОРУКОВ
Михаил
Петрович
(19.11.1780 — 15.10.1808)

180

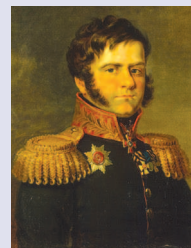
ТОРМАСОВ
Александр Петрович
(1752 — 1819)

184

ВИТГЕНШТЕЙН
Петр Христианович
(25.12.1768 — 1842)

188

НЕВЕРОВСКИЙ
Дмитрий
Петрович
(21.10.1771 — 21.10.1813)

192

ЕРМОЛОВ
Алексей Петрович
(1777 — 11.04.1861)

196

ДАВЫДОВ
Денис Васильевич
(1784 — 1839)

204

КОРНИЛОВ
Владимир Алексеевич
(1806 — 1854)

206

НАХИМОВ
Павел Степанович
(23.06.1802 — 30.06.1855)

208

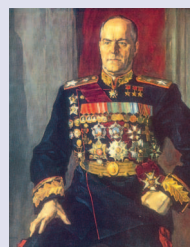
СКОБЕЛЕВ
Михаил Дмитриевич
(17.09.1843 — 25.06.1882)

218

КОРНИЛОВ
Лавр Георгиевич
(18.08.1870 — 31.03.1918)

238

ЖУКОВ
Георгий Константинович
(01.12.1896 — 18.06.1974)

244

РОКОССОВСКИЙ
Константин
Константинович
(09.12.1896 — 03.08.1968)

258

Вступление

Согласно наиболее авторитетным источникам, трактующим понятие «герой» прежде всего с философско-этических позиций, герой — это тот, кто идет на акт самопожертвования ради общего дела, общего блага. По Гегелю, в герое воплощается национальный дух социума.

Само по себе «герой» — понятие античное (по-гречески это — «доблестный муж», «предводитель»). И изначально героев, потомков богов и обычных людей, отличали прежде всего яркие деяния в военной сфере; и лишь значительно позднее в общественном сознании герои наделяются мудростью, музыкальным даром, хитростью.

В России понятие героя становится одним из самых востребованных с рождением империи, с XVIII в., когда герой прежде всего — в соответствии с древнегреческими канонами — военный предводитель.

XVIII век можно по праву назвать веком полководцев. В этом столетии именно полководцы — самые выдающиеся личности, кумиры общества и толпы, яркие синкретические фигуры (зачастую один человек соединял, казалось бы, малосовместимые вещи — полководческие таланты, королевское достоинство, философские и иные научные изыскания, почти профессиональное занятие различными искусствами), наиболее полно выражающие меру таланта личности и тяготеющие к гениальности. Разгадку подобного феномена следует искать в своеобразии эпохи — недаром же XVIII столетие вошло в историю как «век Просвещения».

Еще одна особенность XVIII в., как века Просвещения — это ослабление позиций христианства. Наиболее характерны в этом плане для России эпохи Петра I и Екатерины II: лишение патриаршества, церковные реквизиции при Петре, отказ церкви в финансовой помощи, закрытие монастырей при Екатерине, хотя это и вызвало даже падение элементарного просвещения в России, поскольку монастыри были еще и школами, и так далее. Просвещенный абсолютизм связывают с Екатериной II, поэтому всмотримся в нее попристальнее: фактически она боролась с православием, так как (а может быть — именно поэтому) никогда не понимала глубинной его сути и всю жизнь оставалась иностранкой, поладившей только с верхушкой.

То есть когда началось противодействие православию с его идеалом человека (смирение, самоусовершенствование, тер-

пимость, добро, любовь), возникла потребность в заполнении чем-то иным образующегося духовного вакуума. Каждое языческое и атеистическое общество исповедует культ героев — активных деятелей (в отличие от внутреннего совершенствования в христианстве), коим можно поклоняться и с коих можно и должно брать пример. Собственно, этого же придерживаются и многие атеистические учения, настаивающие изучать Плутарха и Тацита, насколько культ этот воспитывает мировоззрение «героя и толпы» (элиты и стада).

До этого — в Киевской Руси особенно, но подобное можно проследить достаточно явственно и в эпоху Руси Московской, — безусловными духовными лидерами общества, центрами нравственного притяжения были князья — государи земли. Все они, помимо политических, военных, дипломатических талантов, еще и философы-книжники. Это было неременным условием — не высказываемым, но просто реально существующим — ибо на их плечах держалась тяжесть общественного мироустройства (и чем более ранние периоды истории мы будем брать, тем более доминирующая роль личности, стоящей во главе социума).

Итак, на Руси вплоть до XVII в. в центре общественного внимания монарх — средоточие всех дум и чаяний общества. У него нет конкурентов (лишь в XIX в. совестью нации, ее кумирами, вождями, представителями становятся во многом писатели, публицисты).

Эту же — или немного отличную в деталях — картину можно наблюдать и в других странах Европы: данная триада смены общественного идеала в Средневековье, далее — в XVIII в., затем — в XIX в., прослеживается. В XVIII в. в Европе — налицо плеяда талантливейших полководцев, тяготеющих к мировоззренческим вопросам, к осмыслению национального духа, выразителями которого они являются и который они постигают теоретически и практически. Именно этому постижению национального духа обязаны своими великолепными победами.

В сущности, полководец — это человек, водящий лучшую — в идеале — часть нации на защиту и во славу своего Отечества, своего народа. Здесь прямая переключка с культом полководца древности (практически все страны Древнего Востока, Древний Рим, Византия). Когда именно полководцы становились царя-

Г. К. Жуков. Парад Победы. С. Аладжалов. 1945 г.

ми, императорами, владыками — реальная сила и власть была в их руках, помноженная на знание психологии и нужд народа, ибо в силу специфики своей деятельности полководец ближе всего к простому народу, зачастую разделяет с ним все тяготы походов и сражений, победу или смерть. Без наличия всего перечисленного полководец изначально обрекается на поражение и быстро сходит в небытие.

Культ полководца — это культ гения (и не случайно, согласно толкованию древних, гений — это и человек, но и божество, дарующее смертным талант полной мерой, то есть человек, осененный божественной мудростью).

Гениальность полководца проявлялась всегда наиболее ярко, полно и выразительно. Подлинное творчество никогда не ассоциировалось у людей с муками — гений творил легко, играючи, не прилагая якобы никаких усилий.

Это свидетельствовало, что боги покровительствуют ему и берут на себя все родовые муки, оставляя человеку только радость самого акта творения. Писатели, художники, ученые, политики... Всем им свойственны — в разной степени — муки творчества (переделывание сделанного, раздумья и время). Полководец же — иное. В бою размышлять долго некогда — решение должно быть мгновенным и единственно верным. Люди видят: два в общем-то равных войска (все перед глазами, как правило — ничего тайного) сходятся на поле боя — и одно из них выигрывает, выигрывает при всех прочих равных (или даже неблагоприятных) условиях. Единственно необходимое — это талант полководца. Следовательно, он один может перевесить чашу на весах успеха, следовательно: он — божественной природы.

И народ, и сами его военные вожди рассуждали подобным образом, именно поэтому великим полководцам тесны рамки чисто военной деятельности, и когда они достигают апофеоза своей полководческой карьеры — неизбежен конфликт с властью, которая на определенном этапе общественного развития уже создает структуры, противодействующие голой военной силе, насаждает нравственные запреты того же порядка. Словом, неизбежен конфликт с властью, которая не есть полное отождествление лишь с военной мощью и которая, в силу этого, не желает де-

литься и иметь в лице талантливое военачальника подобного конкурента.

До XVIII в. конфликты разрешались с переменным успехом: власть могла быть свергнута, или, наоборот, опале, смерти, забвению мог подвергнуться полководец. В XVIII в. в подавляющем большинстве случаев власть из этой борьбы выходит победителем, даже если и не объединяет в одном лице гениев власти и войны, таких как Петр I, Фридрих II. Полководцы вынуждены уступить — наиболее талантливые из них периодически попадают в опалу (генералиссимус Суворов не мог не упираться в своем росте в стеклянный потолок вместо неба, который и согнул его до могилы) или отходят от двора, ворча и понемногу подвергаясь забвению. О них вспоминают лишь в случае крайней нужды, после же исполнения неотложного они вновь уходят с авансцены, несмотря на широкую талантливость натуры (Румянцев долгие годы практически без какой-либо центральной опеки управлял Малороссией, и Екатерина II, сама хороший администратор, признавала, что когда Румянцев выступает и как администратор, то у нее никогда не болит за это дело душа — так она уверена в фельдмаршале).

Возможно, это последняя попытка противостоять власти не отдельных лиц, а выразителей глубинных тенденций развития общества, эпохи.

Ведь полководцы — отцы солдатам, а стало быть — и народу, они сами ненавидят казенщину и мертвящий бюрократизм.

Народ именно в это время чтит полководцев, как никогда после, видя на данном этапе в них свою последнюю надежду на перемену своей доли.

Вот почему XVIII век. До этого не было столь резкого отделения власти от народа, то есть корпорация бюрократии до сего времени не могла рассматриваться как самодовлеющая сила. Полководцы рассматриваются — в силу своей особой близости к народу — как последняя связь-пуговина народа и верхов. И еще: традиция государя-военачальника остается в потенции, хотя практически реализуется очень редко. В менее отчетливом виде присутствует и другая традиция, проистекающая из первой: полководец — стало быть, может и царствовать (ибо внешнеполитическая деятельность монархов с древности всегда на первом месте). Это на практически инстинктивном уровне сознания.

Петр I в Полтавской битве. Л. Каравак. 1718 г.

А с другой стороны, XVIII век — век Просвещения, век разума.

Идет секуляризация мышления. Абсолют монархических догматов разрушается, и все более свободно пробивается мысль: а почему бы монарху не потесниться, а лучше того — вообще уйти, уступив место полководцу — защитнику государства и народа, человеку, стоящему рядом с народом?

Самые блестящие из полководцев оказались на уровне задач: философы, осмыслители народного духа, книгочеи, поскольку без широкого взгляда на мир талант вырождается в профессионализм, ведущий к поражению, талантливые гражданские и военные администраторы, блестящие дипломаты.

Наиболее дальновидные из монархов пытаются противодействовать им возрождением традиционной в прошлом синкретической фигуры монарха — полководца и мыслителя.

Монарх-мыслитель эпохи Просвещения — это последний рецидив предшествующих эпох, последняя попытка монархов удержаться на авансцене истории — в средоточии жизни нации, предпринимаемая полуинстинктивно-полусознательно. На том же полубессознательном уровне явление монарха-полководца, то есть желание приспособиться к новой эпохе, ее новым требованиям. И если фигура монарха-мыслителя — это попытка, обращенная опытом лишь в прошлое, то полководец-монарх — не только прошлое, но и некое

уловление новых тенденций, стремление соответствовать духу времени.

Мыслитель на троне — обреченность на провал. Да и вообще-то их — единицы, основная же масса — нивелированные личности, все более становящиеся курьезом и тормозом своего времени. Их предки добивались тронов своими талантами или выдающимися злодеяниями, но природа отдыхает на детях гениев — потомкам судьба явно пожадничала, наделяя как личностей.

Монарх же полководец — это, так сказать, новая волна, позволившая на какое-то (иногда — весьма долгое) время задержать распад структур мироустройства предшествующих столетий.

Еще реже соединение в одном лице всех трех вышепоименованных компонентов. Из числа интересующих здесь нас фигур к ним принадлежит Фридрих II. Именно поэтому ему поклонялся Наполеон, его уважал Суворов и к нему бегал Румянцев. Он уловил тенденции эпохи и поставил ее себе на службу, став королем-просветителем. Это дало ему гигантский перевес идейности и, как следствие, — военного искусства, организованности над армиями европейских государств. Но он ошибался, поставив во главу угла идейности своих войск принцип лишь индивидуального благополучия, а не глубинные духовные ценности народа, выражаемые все же в большей степени в коллективистских началах. Пока он имел дело с обычными войсками и полководцами — он побеждал. Встреча с русской армией погубила его. Но он был сильным противником — это признавали все.

Необходимо учитывать и то, что XVIII век — это эпоха, когда экономический строй более-менее упорядочился, эпоха великих потрясений прошла, народу было особенно нечего ждать в плане улучшения своего материального положения (от Петра I до Екатерины II — можно найти лишь многочисленные примеры ухудшения). Как следствие — примат внешнеполитического фактора, который становится единственным, подтверждающим целесообразность пребывания данного монарха на троне (особенно четко это прослеживается у Екатерины II, обладающей на трон весьма зыбкими правами). Поэтому нужны победоносные войны, служащие стимулятором патриотической верноподданности и отвлекающие от дел внутренних. А это значит, что нужны талантливые полководцы, которых более-менее искусственно ставят в эпицентр общественной жизни, но особой воли стараются не давать. Но все равно замкнутый круг: чтобы усидеть, нужно пропагандировать полководцев, что делать и не стоит-то особо, ибо тем самым создаешь себе конкурентов.

Екатерина II, если не организационно, то идейно исповедовала эти же принципы, будучи под влиянием идеологов Просвещения. В качестве яркой иллюстрации ее символов веры можно привести ее попытку разрушения Кремля — символа и национальной святыни. Не случайно в народе эти попытки считались происками «просветителей». Начав проповедь идеала, противостоящего православию, естественно, целесообразно было начать вводить культ героя в его абсолютной (поначалу простейшей) форме. То есть широким массам более понятен не герой мысли, а герой действия. Отсюда — культ полководцев XVIII в.

Петр I и Екатерина II делали ставку на политизацию мышления — в ущерб духовно-нравственным началам: внедряли светскость и культ гения-героя. Вся их политика членится на ничего не давшую стране внутреннюю и блестящую внешнюю, где первую скрипку играли полководцы — сам Петр, Румянцев, Суворов (именно двум последним — не монархам, но полководцам, любимым народом, самым блестящим военным гениям, с именами которых народ связывал все свои победы ее правления, тайно писала после смерти Потемкина Екатерина, делая их, по сути дела, опекунами над страной и тронем. Именно им она отдаст тайное распоряжение: ее воля, выраженная в тайном завещании, — после своей смерти передать престол не сыну Павлу, но внуку — Александру. Завещание будет храниться у Безбородко, который, по сути дела, обменяет его у Павла на титул светлейшего и прощение всех прошлых, нынешних и будущих грехов. Но и фельдмаршалы не сделают ни одного движения в сторону молодого Александра, хотя, брось они свой авторитет на чашу весов, кто знает — куда бы качнулась стрелка его маятника?.. Но императрица не учла одного: не может народный полководец не быть близким народу по духу и нравственным критериям, а императрица здесь задумывала двойную несправедливость: убив отца своего сына, она теперь хотела обойти его, по сути дела, отцовским наследством. Народу это было непонятно и чуждо).

Идея оправдала себя: из всего XVIII века (да и из предшествующих и последующих веков истории России) — только они двое Великие (как и Фридрих Пруссский). Но если предшествующие века господства христианства не могли дать подобной титулатуры, как противоречащей идеалу христианского смирения и переносности народа на пастырей и стадо (Карл Великий, хоть и насаждал христианство, сам еще рудимент языческого мышления), то в дальнейшем идеалы претерпели такое изменение, что великих монархов не могло быть в принципе. Не они были повелителями умов народа, а ведь именно народ дает в конечном счете подобные отличия.

Следующий, XIX век в значительной мере подрывает иллюзии, что благо и счастье народа может быть дано лишь сверху и со стороны — время показало, что только сам народ способен добиваться себе счастья. Отсюда — снижение авторитета полководцев как выразителей народного духа, и отсюда же — высокое реноме писателей и публицистов, апеллировавших прежде всего не к власти, а к народу. Писателей, влиявших на духовность общества, и публицистов-политиков, намечавших более-менее конкретные пути достижения этого счастья. Необходимо учитывать и то, что если дехристианизация идеологии началась в эпоху Просвещения, то в XIX в. этот процесс уже достиг определенных успехов, что также связано с выдвиганием на первый план фигуры писателя-мыслителя, подвергающего анализу-критике весь комплекс бытия государства и народа. Хотя надо признать, что речь идет не о всем народе, а о верхнем его слое. Этот слой в силу большей образованности, меньшей занятости и оторванности от земледелия — занятия, влияющего на психологию соразмерности жизни, традиционности и преемственности мышления и идеологии, — легче воспринимал различные новые идейные комплексы. Простой же народ искал опоры в вере, в монархии, в своих военных начальниках. Если проводить аналогию с «царем-батюшкой», то в полководце народ видел прежде всего военного

главу рода-общины, «отца солдатам», старшего брата, умудренного годами постижения тайн своего мастерства.

Тогда же окончательно структурируется рожденное в российском обществе-государстве предшествующего столетия понятие-символ этой и грядущих эпох — имперское мышление. Понятие столь же неуловимое, как и национальный дух, и столь же необходимое для развития России, осознавшей себя великой державой, на равных говорящей с этим миром. Мышление части великого целого, не могущего уже мыслить категориями малого; когда физически больно, если это целое не прирастает, и уж тем более — когда начинает распадаться (то есть до XVIII века герои не могли возникнуть, а после Петра I никто не мог стать героем, не будучи имперцем).

Это было очевидно, пока империя находилась на взлете. Менее очевидно в эпохи ее увядания, в которые возникают новые ее герои. Те, кто изначально и не думал о подобном отношении с империей, кто зачастую даже и боролся с ней. Пройдя путь от утилитарного прагматизма до служения целому, занял свое место в анналах истории (то, что в позднем Риме, предшествующей эпохе героев, было характерно для конфедератов, живущих на границах имперского социума и логикой жизни зачатую становящихся одной из главных его опор, пройдя путь от системного неприятия до столь же системного служения).

ПЕТР I

(30.05.1672 – 28.01.1725)

**Русский царь (с 1682),
император (с 1721)**

Царь Петр является одной из самых выдающихся личностей в русской истории. Во время его правления произошли изменения практически во всех областях жизни русского государства. Он сам был неутомимым тружеником и смысл жизни видел в укреплении государства. Он ни во что не ставил жизнь человека и был жестоким правителем. Но это позволило ему создать могущественную империю и самому стать абсолютным монархом.

Одними из первых проведенных им реформ были реформы, связанные с армией и флотом. После дворцового переворота, устроенного стрельцами, Петр I поселился с матерью в Преображенском. Начальное обучение он прошел под руководством Никиты Зотова, который обучал его азбуке, Священному Писанию, арифметике и истории. Начав посещать Немецкую слободу, он познакомился с геометрией, фортификацией и рядом других наук. В то время он часто говорил: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». За свою жизнь царь Петр освоил 14 специальностей.

Находясь в Преображенском, Петр создал два «потешных полка», которые в скором времени стали лучшими российскими полками нового образца — Семеновским и Преображенским. А найденный им в 1688 году старый бот стал родоначальником созданного русского флота. Первые русские корабли начали строиться на Плещеевом озере и под Архангельском.

Вокруг Петра начал формироваться круг людей, ставших его сподвижниками и друзьями. Среди них были как иностранцы — Ф. Я. Лефорт, так и соотечественники — А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин и другие.

Многие из тех, с кем разделял забавы юный царь, стали в дальнейшем знаменитыми полководцами. В 1689 году Петр становится полномочным правителем. Заботясь о благе государства, он решает, что для России необходимо иметь морские границы.

В 1695 году Петр начал войну с Турцией, с целью обеспечить России выход к Черному морю. Военные действия предполагалось вести из-под Азова. Первая попытка захватить Азов окончилась неудачно, однако Петр приказал построить галерный флот и в 1696 году одержал победу и добился падения Азова.

Эти военные походы еще больше убедили Петра в необходимости заняться реформированием армии, и после их окончания он провел ряд военных реформ, касавшихся оружия, обмундирования и вообще устройства армии.

В 1697 году Петр I отправляет в Европу Великое посольство, состоящее из 250 человек во главе с «сухопутным адмиралом» Лефортом и генералом Головиным.

С этим посольством он едет сам, как неофициальное лицо. В Бранденбурге он изучает артиллерию и получает диплом «ог-

Портрет Петра I. Ян Веникс

нестрельного мастера». В Амстердаме он лично работает на верфях, постигая все тонкости постройки кораблей. В Англии он знакомится с устройством фабрик, мастерских, арсеналов, изучая и перенимая новейшие технические достижения. Кроме личного опыта, он оставляет для обучения в Европе молодых русских дворян и «детей боярских», чтобы затем иметь в России своих специалистов в различных областях. За время посещения Великим посольством европейских стран на службу в Россию было нанято более 900 специалистов, в том числе и военных. Кроме того, одной из основных задач посольства стал поиск для России военных союзников.

Вернувшись в Россию и готовясь к войне со Швецией, он в 1699 году объявил набор в армию «вольных людей» солдатами и сбор «даточных людей».